

Недавно в Москве гостил известный английский писатель Джеймс Олдридж. В беседе с нашим корреспондентом Борисом Ноткиным писатель говорит о проблемах своего творчества, о некоторых явлениях в современной культурной жизни Великобритании.

— В Англии вышел ваш новый роман «Последний взгляд». Как возник его замысел?

— Эта книга, посвященная парижскому периоду жизни и дружбы двух замечательных американских писателей — С. Фицджеральда и Э. Хемингуэя, была первоначально задумана как чисто биографическая повесть об Эрнесте Хемингуэе. Собирая материал, я обнаружил, что разные факты относились как бы к двум разным людям. Один Хемингуэй — напоказ, для публики: жесткий, эксцентричный, грубоватый. Второй — для себя: философский, лиричный, мягкий. На Кубе, в местах, где жил Хемингуэй, я стал расспрашивать тех, кто имел возможность долго и близко его наблюдать. Портые гостиницы, где часто останавливался писатель, знал только второго Хемингуэя: его номер напоминал библиотеку — там не было места вину, женщинам, развлечениям. Большую часть суток писатель проводил за рабочим столом. Капитан небольшой яхты знал обоих Хемингуэев. Вот что он мне рассказал: «Когда Эрнест находился на борту один, он был задумчив, мечтателен, с готовностью выполнял мои команды. Когда же на яхте появлялись гости, хозяин превращался в Хемингуэя для публики — он начинал командовать мной, становился неуправляемым, грубоватым». «Кем же из двух на самом деле был Эрнест?» — спросил я его старого парижского друга. «Ни тем, ни другим. Думаю, что оба эти Хемингуэя — всего лишь тени, отбрасываемые одним, очень сложным человеком...» — последовал ответ.

Впрочем, все, что я рассказывал, находится за рамками книги и относится к подготовительному периоду моей работы. В целом же роман, все события которого вымышлены, касается переломного этапа в судьбах двух друзей — С. Фицджеральда и Э. Хемингуэя. Сейчас я занят сценарием для фильма по этому роману.

— В связи с тем, что вы упомянули об экранизации своей книги, скажите, каково ваше отношение вообще к возможностям переложить литературные образы на язык кино? Например, широко из-

ГЕРОИ ДЖЕЙМСА ОЛДРИДЖА

вестно, что вы отклонили предложение Голливуда поставить фильм по роману «Дипломат».

— Действительно, месяц назад я получил 25-е приглашение сделать кинокартину по этому произведению. Мой отказ, однако, вызван не неприязнью к экранизациям вообще, но опасением, что в фильме будут смещены идеологические акценты. Когда дело касается тем, связанных с современной политической жизнью, малейшее изменение интонации способно исказить основной смысл.

— Вы, очевидно, помните, что советский фильм «Последний дюйм» по вашей одноименной повести пользовался большим успехом у нашего зрителя. Как вы расцениваете эту экранизацию?

— Честно говоря, я принял ее не сразу. Режиссер помещал местами главных героев: вместо сына, разыскивающего отца, в фильме, наоборот, отец разыскивает сына. Однако после нескольких просмотров я согласился с такой перестановкой — фильм оказался верен духу и стилю оригинала. Но, к сожалению, не всегда так происходит. Многие экранизации деликатно завысят от вкусов продюсера. К тому же, чтобы удовлетворить западных критиков, предпочтительно, чтобы фильм был максимално субъективистским, исследующим обостренное подознание. Если это не вестерн, в нем, как правило, нет места герою. Публика, утверждая западных критиков, не поверит в достоверность положительного героя, но с большой готовностью воспримет антигероя.

Советский кинематограф, напротив, настаивает на примате героя. Я тоже считаю, что искусству необходим герой. Вспомните народный эпос. Легенды не имели бы такой непреходящей ценности, не будь в них подлинного героя.

Когда в XX веке в Англии молодежь попыталась восстановить искусство бардов, это не увенчалось успехом прежде всего потому, что современные «баллады» были лишены героев.

Если же говорить об экранизациих вообще, то здесь многое зависит от степени участия автора литературного произведения в процессе создания фильма. А ведь не секрет, что в современном кинематографе литератор подчас — далеко не первая фигура.

— На английских телеэкранах сейчас демонстрируется телевизионная серия «Анна Каренина». Ее режиссер поставил в свое время «Сагу о Форсайтах», которая была очень тепло принята сов-

Интервью «ЛГ»

ским зрителем. Считаете ли вы телеэкранизацию романа Льва Толстого столь же успешной?

— «Сага о Форсайтах» имела беспрецедентный успех у английской аудитории. Ни одна телесерия в прошлом не знала подобной популярности. «Анна Каренина», на мой взгляд, серьезная, честная и талантливая попытка телевизионного «прочтения» великого русского писателя. Постановщикам удалось сохранить стиль, бытовые реалии и атмосферу России XIX века. Наибольшая удача выпала на долю актера Эрика Портера — Каренина, хотя иногда в нем и проглядывают черты Сомса Форсайта (которого он играл в «Саге»). Советский зритель, наверное, не принял бы Вронского: в нем нет ни огня, ни силы, и совершенно непонятно, что заставило Анну отдать ему сердце. В лучшем случае — это англичанин из буржуазного предместья, в которого могла бы влюбиться жена соседа.

В целом же эта телесерия лишней раз подтвердила мое мнение, что для кино и телевидения не существует лучшего исходного материала, чем классика. Правда, она же и самый опасный выбор для режиссера — если уж неудача, то полная. И тогда режиссер сталкивается с обвинениями в бестактности, поверхностности и даже оскорблении культурных памятников. У меня такое впечатление, что пока кинематограф лучше экранизирует повести, рассказы, а телевидение — романы, ткань которых, возможно, ближе языку телеэкрана. Английские телезрители с нетерпением ожидают выхода на экраны диккенсовских «Тяжелых времен».

— В последнее время в Англии много говорят о новом социальном феномене под названием «панки». Что вы об этом думаете?

— «Панки» — достаточно большая группа безработной молодежи с люмпенской нигилистической психологией. Их легко выделить по внешнему виду: и парни, и девушки одеты в одинаковые брючные костюмы, напоминающие спецодежду. Большие булавки понатыканы не только в платье, но и в уши. Нос и даже щеки. Девушки красят волосы в пять-шесть различных цветов. Сейчас стиль «панк» входит в моду среди буржуазии. Самые фешенебельные салоны и магазины выставляют выполненные из дорогих тканей костюмы — «панк-шик».

Эстетическим выразителем «панков» является музыкальная группа «Пистолз» — совершенно блеклая и примитивная в творческом отношении.

— В западной прессе встречаются самые разноречивые оценки «панков». Некоторые видят в них революционные элементы, другие считают их социальной базой фашистского движения, все более усиливающегося на Британских островах. Что думаете о них вы?

— На мой взгляд, приписывать этим анархизирующим группам революционные качества наивно. С другой стороны, для фашистов «панки» — тоже достаточно удобный материал из-за их полной политической инертности и аморфности.

— Страницы многих книг, выпускаемых солидными английскими издательствами, пекутся вульгаризмами, даже непристойными выражениями. Сторонники лингвистической «либерализации» утверждают, будто это приближает литературу к жизни, помогает достичь эффекта достоверности, естественности речи. Каково ваше отношение к этой проблеме, которая, по-моему, выходит за чисто лингвистические рамки?

— За день до прилета в Москву мне довелось в течение получаса сидеть в автобусе напротив двух девушек, достаточно громко обсуждавших что-то, чрезвычайно взволнованных. Эти юные решительные создания говорили на «конки» — диалекте рабочих окраин Лондона. Из их оживленной дискуссии я смог уловить только, что одна собирается выйти замуж, но не уверена в правильности выбора, а вторая убеждала ее, что затея не так уж и плоха.

Не говоря даже о фонетической стороне подобной «речи», представляющей немалую трудность для понимания самими англичанами, жаргонные словечки, которыми она переполнена, потребовали бы долгих разъяснений. Если ввести в литературное произведение всякие диалектизмы и вульгаризмы, литература от этого не станет более демократичной. Жертвовать же таким громадным богатством человечества, как литературная речь, ради легализации нескольких выражений «из подворотни» представляется мне просто неразумным.

— Какие характерные моменты в сегодняшнем дне английской литературы вы бы отметили?

— Обращает на себя внимание увеличение удельного веса детских книг. Детская литература в меньшей степени подверглась разрушительному влиянию коммерциализации и в большей мере осталась верна гуманистическим, нравственным и эстетическим задачам искусства. Среди самых интересных в художественном отношении писателей я назвал бы Эмму Смит, недавно получившую две самые высокие литературные премии Великобритании. Эмма Смит — страстный друг Советского Союза, и ее мечта — написать книгу о деревенских детях Сибири.

— А вы сами о чем мечтаете? Если в вашем новом произведении будет герой, то какой?

— Мечтаю написать о Сент-Экзюпери. Меня очень интересует склад его личности, его становление. И хотя о Сент-Экзюпери, так же как и о Хемингуэе, много написано, есть еще и немало такого, над чем стоит поразмышлять.